

★ ★ ★ ★ ★
КИНОЗАЛ

Валентин Черных

*МОСКВА
СЛЕЗАМ
НЕ ВЕРИТ*

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ч 49

Оформление обложки Егора Саламашенко

ISBN 978-5-389-25485-5

© В. К. Черных (наследник), 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“, 2024
Издательство Азбука®

ГЛАВА 1

Списки поступивших в химико-технологический институт были вывешены в фойе перед актовым залом. Возле них толпились абитуриенты. От стендов со списками многие отходили энергично-решительно — они уже студенты, значит, жизнь на пять лет вперед определена.

Катерина протиснулась, нашла фамилии на «Т», мгновенно вобрала их взглядом. Были Тихонов, Тишков, Тахадзе, Тимурзалиев, Тагизаде, Татарцева. Она еще раз медленно прошла по списку, читая каждую фамилию от начала до конца, могли ведь поставить не точно по алфавиту. Дважды прочитав весь список, отошла. Фамилии «Тихомирова» не было. Можно возвращаться в общежитие. Катерина проваливалась уже второй раз. Теперь оставалось позвонить и сообщить о случившемся. Она прошла мимо нескольких телефонов-автоматов, оттягивая неприятный разговор, потом остановилась, решила и набрала номер.

— Академик Тихомиров, — ответили ей громко и быстро.

Академик сразу задавал тон: излагайте конкретно, по существу и коротко.

- Я провалилась, — сообщила Катерина.
- Какой проходной балл? — спросил Тихомиров.
- Двадцать два.
- Сколько набрала ты?

- Двадцать один.
- Приезжай, — почти приказал Тихомиров.
- Я буду поступать в следующем году, — начала было Катерина.
- Приезжай, — повторил Тихомиров и повесил трубку.

Академик Тихомиров был ее родственником. Отец Катерины доводился ему племянником.

В прошлом году, уезжая в Москву поступать в институт, Катерина запретила отцу писать об этом академику. Училась она хорошо, лучше почти всех в классе, во всяком случае девчонок, и представляла, как уже студенткой подойдет к Тихомирову в институте и скажет:

— Я — Катя Тихомирова, дочь Александра Ивановича Тихомирова из Красногородска.

Академиком в Красногородске гордились. В городском музее стоял стенд с его портретом, двумя его книгами, тремя брошюрами и краткой биографической справкой. Более знаменитым из красногородских был только генерал Стругалев, который погиб в битве за Берлин. Именем Стругалева называли улицу и крахмалопаточный завод. В музее под стеклом лежала фуражка Стругалева, его ордена и пистолет «ТТ».

Тихомиров в Красногородск не приезжал уже больше двадцати лет, а родственники из провинции к нему заезжали, оставались ночевать. Но это было раньше, при первой жене Тихомирова и на старой квартире. Потом он развелся с женой (тоже родом из Красногородска), женился на москвичке, стал академиком, получил квартиру в высотном доме, и родственники перестали у него бывать. Новая жена завела новый порядок. Чтобы переночевать у академика, надо было заранее, не менее чем за месяц, написать письмо, предупредить о приезде и получить ответ, что вас ждут. Некоторые пытались игнорировать эти правила, без предупреждения прямо с вокзала ехали в высотный дом. Их поили чаем, расспрашивали о родственниках, но ночевать не оставляли.

Катерина позвонила Тихомировым только через полгода после того, как в первый раз провалилась на вступительных экзаменах. Она уже жила в общежитии, работала штамповщицей на фабрике металлической галантереи, о чем и сообщила академику. Он и в тот раз, как сегодня, коротко приказал:

— Приезжай!

Тогда она вошла впервые в московскую квартиру, которая для нее стала и мечтой, и образцом. В трех комнатах стояла мебель, которую она видела только в иностранных фильмах. Потом, не сразу конечно, в одном из разговоров с женой Тихомирова Изабеллой она узнала, что мебель и была иностранной. Тихомиров привозил ее из Львова, из Риги: немецкие серванты, настоящие венские стулья. Кожаные кресла он купил в Самборе, на Западной Украине, после войны, когда все еще жили голодно, мебель продавали дешево. Во время войны — а Тихомиров был сапером — он побывал в Германии, жил в домах, в которых добротная мебель стояла веками, и сказал себе однажды: и у меня будет такая. Он всегда ставил перед собой конкретные цели и добивался их. Как только появились деньги, стал покупать мебель — не антикварную, но добротную, конца прошлого века или начала нынешнего, которой в России сохранилось немного. Ее сожгли в помещичьих усадьбах в первые годы революции, растащили по коммунальным квартирам и не хотели продавать ни за какие деньги: мебели в стране делали мало, в основном для контор, казарм, общежитий.

Катерине все это еще предстоит узнать, когда она начнет обставлять мебелью собственную квартиру. Правда, к тому времени все станет проще. Появятся готовые гарнитуры: «гостиная», «спальня», «кухня». Их бросятся покупать, и во многих квартирах будут стоять стандартные стенки, стандартные кресла, ножки от которых выпадали уже через год. Функционально задуманные диван-кроватьи раскладывались с трудом, осно-

вательность и прочность исчезали из жизни. У Тихомирова и через двадцать лет стояла прежняя мебель, и она не выходила из моды, а новая — с ее геометрическими резкими пропорциями — устаревала, ломалась, и при жизни человек менял ее несколько раз. А ведь мебель, как и дома, должны служить, и когда-то служили, несколькими поколениям. Получая в наследство комод или шкаф, человек знал, что ему не надо будет беспокоиться о новом комодe или шкафе всю оставшуюся жизнь. И мебель даже перейдет к его детям и внукам.

Катерина вошла в громадный холл, поздоровалась с вахтершей.

Прошла к лифту, не останавливаясь, как это делал Тихомиров, и вахтерша ответила ей уже вслед: «Добрый день» — и не спросила, к кому она идет. Вряд ли ее запомнили — у Тихомировых она бывала редко, — подействовала, вероятно, уверенность, с какой здороваются только жильцы. Да и одеждой Катерина не отличалась от девушек из этого дома: модная юбка-«колокол», белая кофточка, туфли на каблуках, не высоких и не низких, удобных для ходьбы по улицам. Она присматривалась к обуви московских женщин: они не экономили на туфлях, покупали в основном чешские или румынские, которые в последние годы появились в московских магазинах и отличались от грубоватых советских.

Дверь открыла Изабелла, подбадривающе улыбнулась — за этот год у них установились доверительные отношения. У Тихомирова не было детей, и Изабелле после сорока вдруг захотелось воспитывать и передавать другим свой опыт. Выяснив, что Катерина не болтлива, она многое рассказывала ей о московской жизни, правда, никогда не говорила о себе. Она всегда ссылалась на опыт подруг и обычно начинала: «Был такой случай с одной моей подругой...»

— Обедать будешь? — предложила Изабелла.

— Спасибо. Если только чайку.

Изабелла принесла чай в кабинет Тихомирова. Академик сел во вращающееся кресло за столом, Катерина на диванчик, Изабелла устроилась в кресле.

— Я звонил в деканат, — сообщил Тихомиров. — Сейчас уже ничего сделать невозможно.

— Я знаю, — подтвердила Катерина. — Буду поступать на следующий год.

Тихомировы переглянулись.

— А почему именно химия? — поинтересовался Тихомиров.

— Мне нравится химия, — ответила Катерина.

— А почему не сельскохозяйственный, не педагогический, не медицинский, строительный, полиграфический? Есть еще как минимум три тысячи замечательных профессий. Ты хочешь заниматься химией как наукой?

— Я еще не знаю, — призналась Катерина.

— Или ты хочешь стать химиком-технологом? Ты была хоть раз на химзаводе или комбинате?

— Не была.

— Я тебе устрою экскурсию, — пообещал Тихомиров. — И это, может быть, раз и навсегда отобьет у тебя охоту заниматься химией.

— Может быть, на филологический? — предложила Изабелла. — У меня там есть знакомые. Можно нанять репетиторов, и за год тебя натаскают.

— Мне это неинтересно. Я люблю физику, химию, математику, — ответила Катерина.

— Поразительно, — искренне удивилась Изабелла. — Я в этом ничего не понимаю. Никогда не понимала. С пятого класса списывала у наших мальчишек и домашние задания, и контрольные.

— Я всегда решала сама, — сказала Катерина. — Но вы ведь стали химиком, и вам это нравится? — Катерина смотрела на академика, не очень понимая, к чему этот разговор.

— У меня так получилось. — Тихомиров помолчал, размышляя, наверное, стоит ли быть откровенным. — Я мог стать кем угодно: метростроевцем, инженером, офицером, летчиком. Но я попал на строительство химкомбината, закончил вечернюю школу, стал рабфаковцем. Химкомбинат дал мне направление в химико-технологический институт. С таким же успехом я мог попасть в военное училище, в строительный институт. Я только в институте понял, что такое химия. Тогда особенно не задумывались над тем, что, выбирая профессию, выбираешь себе жизнь. Хотелось только научиться чему-нибудь.

— А я знаю, почему Катерина хочет быть химиком, — включилась Изабелла.

Она подошла к схеме. На стене кабинета висел большой лист картона с родословной Тихомировых, которая начиналась с 1790 года. Вначале, правда, шли Кирилловы, Александровы, Ивановы. В русских деревнях не было постоянных фамилий. Сын Кирилла становился Кирилловым, а дети его сына Александра уже Александровыми. Первый Тихомиров был зафиксирован в родословной в 1870 году как мещанин Красногородска. От него шли ответвления. На дочерях линия Тихомировых заканчивалась вместе с переменной фамилии. Академик отслеживал только родственников с фамилией Тихомиров. Среди них были военные, но не выше подполковника, строители, зоотехники, учителя — обычный набор профессий, которые выбирают сельские школьники. В Москве среди Тихомировых были начальник главка, водитель автобуса, начальник районного отделения милиции; был кружок, куда академик вписал и Катерину, обозначив только год рождения, ожидая, вероятно, когда Катерина определится с профессией.

— И почему же химиком? — обратился академик к Изабелле.

— А ты будто не догадываешься? — улыбнулась Изабелла. — Кто самый знаменитый из Тихомировых? Ты. А кто ты? Химик. И девочка решила, что она пойдет по уже проверенной дорожке. И связи будут, и подтолкнуть могут, особенно вначале, и от ошибок предостерегут. Это нормально. Если бы этого не было, надо было бы организовывать самому. Лучшее продолжение дела — семейное продолжение. Мне кажется, ты мало что сделал, чтобы ей помочь.

— Она была на контроле, — возразил Тихомиров, — но ты права. Можно было сделать и больше. Она второй раз не добирает баллов по литературе и языку. Надо, значит, брать репетиторов.

— Я сама подготовлюсь, — заверила Тихомировых Катерина.

— Если бы можно было готовиться самим, то не было бы репетиторов, а они существуют уже несколько столетий. Зачем пренебрегать опытом человечества? Ты это возмешь на себя? — спросил Тихомиров Изабеллу.

Та кивнула.

— Все. Я завтра выступаю оппонентом на защите докторской диссертации. Мне надо подготовиться. Остальные вопросы в следующий раз. — Тихомиров придвинул к себе толстую папку с рукописью.

Катерина с Изабеллой ушли на кухню. Изабелла заварила кофе, достала бутылку ликера, плеснула себе и девушке в рюмки. Катерина попыталась отказать.

— Тебе это сейчас надо, — посоветовала Изабелла. — Успокаивает и приводит мысли в соответствие с ситуацией.

Они пили кофе с ликером. Катерине и впрямь стало легче и веселее. Изабелла закурила сигарету, предложила Катерине. Катерина уже пробовала несколько раз курить, но у нее не получалось, першило в горле. Она взяла необычно длинную сигарету с фильтром.

Изабелла шелкнула зажигалкой. Катерина затаилась и не закашлялась. Голова приятно закружилась.

— Первый раз куришь?

— Первый, — призналась Катерина.

— Будем считать, что в последний. Никотин меняет цвет лица. К тому же многие мужчины считают, что целовать курящую женщину — все равно что пепельницу. — Изабелла отобрала у Катерины сигарету. — У тебя есть парень?

— Нет, — ответила Катерина, но поправилась: — Нет постоянного, ухаживают многие, ну, не многие, но два-три парня есть. Наверное, я им нравлюсь.

— Наверное, — согласилась Изабелла, — но знаешь, какую самую большую глупость ты можешь совершить?

— Какую?

— Выйти замуж за одного из этих троих, которым ты нравишься.

— Я не собираюсь замуж, — заверила Катерина Изабеллу. — Я вначале хочу поступить в институт, закончить его.

— Если хочешь выбраться из той жизни, какой ты живешь, можно все, кроме замужества. Выйдешь замуж, пойдут дети, и уже никакого института тебе не видать. А те ребята, которые за тобой ухаживают, они кто? Мальяры? Штукатуры? Каменщики?

— Один — сантехник, один — шофер.

— Одной тебе мы еще сможем помочь, — заметила Изабелла, — но тянуть еще и сантехника, и двоих детей, которых ты ему родишь, — сантехники всегда хотят как минимум двоих. Если родишь девочку, то обязательно нужен еще и мальчик, наследник, так сказать. Хотя что наследовать-то? Комнату в общежитии и две пары ботинок — одни на работу, другие на выход по воскресеньям! — Изабелла долила в рюмки ликеру себе

и Катерине. — А ты с кем спишь — с сантехником или с шофером?

Катерина не сразу поняла вопрос, а поняв, почувствовала, что краснеет, и поспешно ответила:

— Ни с кем.

— Это довольно приятное занятие — спать с мужиками. Не со всеми, правда. Но если будет уж очень невтерпеж и не устоишь, предохраняйся. Я тебе дам таблетки.

— Спасибо. Не надо, — заверила ее Катерина.

— Надо, — твердо сказала Изабелла.

— Я пойду. — Катерина поднялась.

— Осенью начнешь заниматься с репетитором по языку и литературе, — заявила, как об уже решенном, Изабелла. — Я заплачу. У меня к тебе просьба. Мы едем на юг в санаторий. Ты сможешь пожить у нас в квартире, пока мы будем в Ялте? Надо поливать цветы и выгуливать Чапу два раза в день: утром и вечером. У нас вечная проблема с собакой. Академик вырос среди собак, свиней и коз.

— Конечно, я поживу, — заверила ее Катерина. — Можете не беспокоиться.

— Я и не беспокоюсь, — улынулась Изабелла.

В прихожей она взяла с полочки под зеркалом свою сумочку, достала яркий пакетик и протянула Катерине.

— Что это? — спросила Катерина.

— Противозачаточные.

— Мне не надо. Не надо!

— Возьми, — потребовала Изабелла. — За пятнадцать минут до начала акта. И не в рот, а, — Изабелла распахнула полы халата и ткнула в низ живота, — сюда. Вначале немного пощиплет. Не обращай внимания.

— Но я не планирую никакого акта до свадьбы. А она пока не предвидится.

— Ну как знаешь, — усмехнулась Изабелла. — Но я бы на твоём месте не зарекалась.

Катерина вышла из высотного дома и заспешила в метро. Она уже переняла привычку москвичей экономить время на транспорте, но вдруг осознала, что спешить особенно некуда. Раньше после работы она бежала в библиотеку, через три-четыре часа неслась из библиотеки в общежитие, ужинала кефиром с булочкой и ложилась спать. Рабочий день на фабрике начинался в восемь утра, сорок минут уходило на дорогу, столько же нужно было, чтобы одеться и позавтракать. Катерина вставала в шесть. Она старалась лечь пораньше, потому что если спала меньше восьми часов, то после работы на фабрике ей хотелось прилечь и поспать хотя бы час, а это означало, что она не попадала в библиотеку. Теперь все закончилось, во всяком случае на время, пока Изабелла не найдет репетиторов.

Катерина не заметила, как вошла в привычный свой ритм, она уже неслась к метро, лавируя среди прохожих, которые никуда не торопились в этот теплый летний вечер. Остановись, приказала она себе. И не вошла в метро, а присела на скамейку, чтобы обдумать случившееся. Раньше все было просто. Надо было закончить школу и поступить в институт — это главное. Но ведь даже если она поступит в институт — это только оттяжка на четыре года. А где жить потом? Молодые специалисты, закончившие институт, получали в общежитии привилегию — отдельную комнату. Но потом они женились, рождались дети, и в одной комнате жили втроем и вчетвером по десять лет, пока не получали постоянную московскую прописку. Тогда их ставили на очередь. В отдельные квартиры переселялись ближе к пятидесяти, когда у сыновей и дочерей появлялись свои дети, и отдельная квартира, о которой мечтали всю жизнь, превращалась снова в общежитие.

Посидев на скамейке в невеселых этих размышлениях, Катерина вошла наконец в метро. В вагоне напро-

тив сидели двое парней лет по семнадцать. Они явно рассматривали ее. Катерина машинально одернула юбку, парни усмехнулись, — наверное, им понравилось, что их воспринимают как взрослых. Московские — определила она. Белые накрахмаленные рубашки, узконосые модные ботинки, хорошо отглаженные узкие брюки. Отцы давали деньги на одежду, матери за ней следили. Москвичи отличались от ребят из общежития, которые сами стирали, и их рубашки никогда не становились такими белыми. Катерина машинально посмотрела на часы. Если вовремя подойдет автобус, от станции «Сokol» до общежития она доберется минут за сорок. День заканчивался, но впереди был еще длинный незаполненный вечер.

Людмила лежала, закинув ноги на спинку железной кровати. Ноги у нее были стройные, хорошо тренированные, чуть полноватые в икрах. Когда по многу часов стоишь на стройке с мастерком или у конвейера, икры увеличиваются, как у тяжелоатлетов. А ей пришлось постоять и на стройке, и на конвейере. Через несколько лет на ногах уже проступят вены, потом узлы сосудов — из-за них пожилые сотрудницы даже в жару ходили в плотных чулках. Людмила подтянула полы халата и осмотрела бедра. Тоже начинают полнеть. Надо худеть, подумала она с тоской. Теперь она работала на хлебозаводе, а там в столовую работницы обычно не ходили, обедали сдобными булками и молоком. Людмила следила за фигурой, каждый день вставала на весы. Она боялась превратиться в тетеху с покатыми, как у молотобойца, плечами, с животом, за складками жира которого нарастала мускулатура, и от этого живот становился огромным. Мужчины скрывали свои животы пиджаками, куртками, а женщины надевали легкие платья и не стеснялись своего разбухшего тела, потому что во-

круг ходили такие же — не лучше и не хуже. Людмила приехала в Москву четыре года назад. Она закончила ФЗО — школу фабрично-заводского обучения, проучилась шесть месяцев и стала маляром-штукатуром. Но работу эту выдержала только одну зиму. Она с детства терпеть не могла холода, а в шлакоблочных коробках новых домов было еще холоднее, чем на улице. Следующей зимой она уже работала на конвейере автозавода. Тяжелая, тупая, изнуряющая работа, но зато в тепле. Заканчивать среднюю школу и институт — на что потребовалось бы минимум восемь лет — в ее планы не входило. Она хотела выйти замуж, но не просто замуж — у нее были вполне конкретные требования к будущему спутнику жизни. Во-первых, он должен быть москвичом, и не потому, что московские парни отличались от иногородних. Москвичи, конечно, побойчее, поразворотливее, но главное — москвичи имели постоянную прописку. Со своей временной лимитной она могла работать только на стройках, на конвейерах, в литейных цехах, на тех самых тяжелых работах, на которые не шли москвичи. И поэтому в Москву допускали до ста тысяч молодых людей и девушек по лимиту. Они селились в общежитиях, обычно в комнатах на троих, как сейчас жила Людмила. А это — три кровати, три тумбочки, платяной шкаф, три стула и стол. Все казенное с инвентарными номерами. Выход отсюда был только один: замуж за москвича. За Людмилой ухаживали хорошие парни — спокойные, работающие, непьющие, но как только она узнавала, что они такие же лимитчики, тут же прекращала знакомство.

В каждом женском общежитии существовали мифы об удачных замужествах. Рассказывали, например, что одна из девчонок познакомилась на танцверанде в Сокольниках со студентом института международных отношений, вышла замуж и уехала с ним в Америку.

Людмила тоже ездила на танцверанду в Сокольники, но ей студенты института международных отношений почему-то не попадались. На танцы ходили студенты строительных институтов, такие же иногородние, как и она. Они тоже мечтали познакомиться с москвичками, чтобы после окончания института остаться в Москве.

Были еще курсанты военных училищ, похожие на парней со стройки, только в военной форме. Конечно, можно было выйти замуж за курсанта. Те, у кого на рукаве мундира четыре полосы — что значило четыре года обучения, — были особенно активными. Учеба заканчивалась, предстояло распределение в дальние гарнизоны, и парни торопились: кому охота ехать в тайгу или пустыню без женщины? За Людмилой ухаживал один из училища погранвойск. Но она, взвесив все, отказалась от его предложения. Лейтенанты начинали службу на заставах, в горах или в тайге. В лучшем случае через несколько лет они могли перебраться в районный городок, но из такого же Людмила уехала в Москву, чтобы никогда туда не возвращаться. Будущий пограничник ей нравился, но, приняв решение, она перестала ездить на танцы в Сокольники, а адрес общежития никогда никому не давала. Людмила вообще предпочитала поменьше рассказывать о себе, потому что москвичи настороженно относились к лимиту. Она уже обжигалась на своей доверчивости. На стройке работал молодой прораб. Она бы и не обратила на него внимания, если бы не узнала, что он коренной москвич и живет с родителями в отдельной двухкомнатной квартире. Прораб познакомил ее с родителями и объявил им, что женится. Родители не возражали, но прописать ее отказались. «Поживите, поснимайте комнату, присмотритесь друг к другу, — сказала будущая свекровь. — А мы присмотримся к тебе». Не поверили, что она, такая красивая, влюбилась в их низкорослого сына, к то-

му же прихрамывающего — он в детстве сломал ногу, нога неправильно срослась, из-за этого его даже не взяли в армию. Чтобы она стала его женой, прораб согласился снимать комнату, по вечерам ремонтировать частные квартиры, зарабатывать на первый взнос в кооператив. Он наметил целую программу, как выбиться из этой жизни. За пять лет он собирался внести первый взнос на квартиру, в следующие пять — купить телевизор, холодильник, необходимую мебель. Выходило, что десять лет надо было вкалывать не разгибаясь, подрабатывать вечерами и еще десять лет выплачивать за квартиру. А она хотела получить все сразу.

Сегодня у Людмилы не было постоянного, верного и влюбленного в нее парня. Впрочем, слова «парень» Людмила не любила. «Парень» — это что-то деревенское. Лучше «мужчина», «поклонник», может, даже «любовник», как в книгах и кино. Чтобы он приезжал за ней на машине, водил в рестораны и снимал для нее квартиру — пусть небольшую, однокомнатную. Такие мужчины были где-то рядом, но ей не попадались. Они не ходили на танцы, ездили на своих машинах, а не в метро. За четыре года в Москве она так и не смогла вырваться из круга тех, кто работал на стройках, стоял у конвейеров, водил по улицам Москвы автобусы, грузил контейнеры на вокзалах. Среди ее знакомых было несколько москвичей, но никто из них не знал, что Людмила лимитчица, живет в общежитии и работает на хлебозаводе формовщицей. Она представлялась студенткой или медсестрой — несколько месяцев она проработала санитаркой в психиатрической больнице и получила кое-какие медицинские познания. Только в исключительных случаях давала знакомым телефон общежития, только тем, кто был особенно настойчив и к тому же нравился ей.

Людмила посмотрела на часы. Через пятнадцать минут должен позвонить Вадик. Но он мог позвонить

и через полчаса. Значит, минут сорок ей придется ждать на вахте. От этого настроение у нее испортилось еще больше. К тому же раздражала Антонина, которая, напеваая, гладила платье, ожидая своего Николая.

Людмила, Антонина и Катерина приехали в Москву из маленького районного городка Красногородска Псковской области. Из Красногородска чаще уезжали в Ленинград, все-таки поближе, чем Москва. В Ленинград ездили продавать мясо, когда осенью забивали свинью, в Ленинград ездили за покупками. Но еще в тридцатые годы первые красногородские пробрались в Москву на строительство шарикоподшипникового завода. И после них уже каждый год кто-нибудь уезжал в Москву к дальним родственникам или бывшим соседям. И те пристраивали вновь прибывших на стройки и заводы.

Людмила, Катерина и Антонина учились в одной школе, в одном классе. Первой после седьмого класса в Москву уехала Людмила. Она писала такие замечательные письма о магазинах, театрах, метро, высотных зданиях, что вслед за ней через год в Москву уехала Антонина, повторив путь Людмилы. Та же самая школа ФЗО, и Антонина уже штукатур-маляр на стройке. Сильная, ловкая, она сразу стала хорошо зарабатывать. Ее уважали, а тяжелая работа для нее была не в новинку: в Красногородске, как старшая дочь в семье, она занималась уборкой дома, возилась в огороде, летом на поливку носила по сорок ведер воды за вечер — семья большая, и огород держали большой. Антонина тоже не собиралась учиться, не ставила она и цели выйти замуж за москвича. Кого полюбит, за того и выйдет, ну и чтобы он ее любил.

С Николаем Антонина познакомилась, не прилагая особых усилий: он работал электриком на той же стройке, что и она. Ей нравилось, что Николай простой, ве-

Черных В.

Ч 49 Москва слезам не верит : роман / Валентин Черных. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 480 с. ISBN 978-5-389-25485-5

По сценариям Валентина Константиновича Черных (1935–2012) снято множество фильмов, вошедших в золотой фонд российского кино: «Москва слезам не верит» (премия «Оскар», 1981), «Выйти замуж за капитана», «Женщин обижать не рекомендуется», «Культпоход в театр», «Свои». Лучшие режиссеры страны (Владимир Меньшов, Виталий Мельников, Валерий Рубинчик, Дмитрий Месхиев) сотрудничали с этим замечательным автором. Особенно популярными стали фильмы, посвященные женщинам: тому, как они ищут свою любовь, борются с судьбой, стремятся завоевать достойное место в жизни. Из романа «Москва слезам не верит», созданного В. Черных на основе собственного сценария, читатель узнает о героинях знаменитой киноленты немало нового и неожиданного!

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ВАЛЕНТИН КОНСТАНТИНОВИЧ ЧЕРНЫХ
МОСКВА СЛЕЗАМ НЕ ВЕРИТ

Ответственный редактор Кирилл Красник
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Мария Антипова
Корректор Анна Быстрова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 09.04.2024.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 21,15. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака АЗБУКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — АЗБУКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, к. іш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т.ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12–14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru	Санкт-Петербург к. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12–14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru
www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық өнім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе
«Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

A-KIT-34475-01-R